

Редьярд
КИПЛИНГ

(1865-1936)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Редьярд
КИПЛИНГ

Книга джунглей

Москва

2016

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
К42

Перевод с английского
Оформление серии *Е. Соколовой*
Оформление переплета *Н. Ярусовой*
В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Гюстава Сюрана*

Киплинг, Редьярд.

К42 Книга джунглей : [перевод с английского] / Редьярд Киплинг. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-87773-7

Редьярд Киплинг — знаменитый писатель, поэт и новеллист, первый англичанин, получивший Нобелевскую премию по литературе. Проза Редьярда Киплинга, насыщенная образным просторечием, грубоватым юмором, романтикой странствий и тонким лиризмом, поразила читателей викторианской Англии. Сочетая точность репортера, фантазию романтика и мудрость философа, Киплинг пишет о вечных проблемах — любви и свободе, войне и мире, противостоянии Востока и Запада. В сборник вошли знаменитые «Книга джунглей» и избранные рассказы.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

- © Рахманова Н., Комарова И., перевод на русский язык, 2016
- © Бернштейн И., Островская Г., Линецкая Э., Левингтон А., перевод на русский язык. Наследники, 2016
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87773-7

Книги джунглей

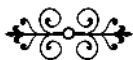
ПЕРВАЯ КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Конечно, сочинение такого рода, как это, требует со стороны редактора обращения к любезности многочисленных специалистов. И плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами.

Прежде всего он должен поблагодарить высокоученого и талантливое Бахадур Шаха, грузового слона №174 по списку Индии, который так же, как и его милейшая сестра Пудмини, в высшей степени любезно сообщили историю Маленького Тумаи и большую часть материала для рассказа «Слуги ее величества». Сведения для приключения Маугли собирались мало-помалу в различные периоды времени, в различных местах и из уст многих лиц, большая часть которых пожелала сохранить полную анонимность. Тем не менее, находясь в такой дали от них, редактор решается выразить свою признательность одному индусскому высокородному джентльмену, обитателю откосов Джакке, за его убедительную, хотя и несколько сатирическую, характеристику его же собственной касты жрецов (служителей храма). Сахи, ученый, неутомимый ревностный исследователь, входивший в состав недавно рассеявшейся сионийской стаи, и артист, прославившийся на большинстве местных сельских ярмарок Южной Индии, где его танцы в

наморднике привлекают к нему всю иную прекрасную и культурную часть населения, доставил ценные данные о многих племенах, их нравах и обычаях. Сведения эти вошли в рассказы: «Тигр! Тигр!», «Охота питона Каа» и «Братья Маугли». За абрис для «Рикки-Тикки-Тави» редактор остается в долгу перед одним из главных герпетологов Верхней Индии, бесстрашным и независимым исследователем, который, приняв девиз «Лучше не жить, но непременно знать», недавно лишился жизни вследствие усердного изучения пород ядовитых змей, водящихся в наших дальневосточных владениях. Счастливая случайность дала редактору возможность во время путешествия на пароходе «Императрица Индии» оказать небольшую услугу одному из своих спутников. Как богато был он вознагражден за эту жалкую услугу, о том прочитавшие рассказ «Белый котик» могут судить сами.

БРАТЯ МАУГЛИ

В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер. Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы, чтобы прогнать из них остаток тяжести. Волчица Мать лежала, прикрыв своей большой серой мордой четверых барахтавшихся, повизгивавших волчат, а в отверстие их пещеры светила луна.

— Огур!.. — сказал Отец Волк. — Пора мне идти на охоту.

И он уже готовился пуститься по откосу горы, когда маленькая тень с пушистым хвостом показалась подле входа в пещеру и жалобно провизжала:

— Пусть тебе сопутствует удача, о вождь волков, пусть судьба даст твоим благородным детям сильные, белые зубы, пусть счастье улыбается им. И да не забывают они голодных!

Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности, сплетничал и поедал тряпье и лоскутья кожи на сельских свалках мусора. Вместе с тем в джунглях боялись его, потому что шакалы способны сходить с ума, а в таком состоянии они забывают всякий страх, бегают по лесам и кусают всех, кого встречают. Когда маленький шакал сходит с ума, даже тигр прячется от него. Ведь для

дикого создания безумие величайший позор! Мы называем эту болезнь водобоязнью, в джунглях же ее считают дивани — безумием.

— Войди же и посмотри, — сухо сказал ему Отец Волк, — только в пещере нет ничего съедобного.

— Для волка — нет, — ответил Табаки, — но для такого скромного создания, как я, даже обглоданная кость — великолепный пир. Что такое мы, Джидур лог — племя шакалов, — чтобы выбирать и пробовать?

Мелкими шажками он вбежал в самую глубь пещеры, отыскал там оленью кость с остатками мяса, присел и принялся с наслаждением ее грызть.

— Прими великую благодарность за прекрасное угощение, — сказал он, облизываясь. — Какие красавцы, благородные дети! Какие у них большие глаза! А еще такие юные. Впрочем, что я? Мне следовало помнить, что королевские дети с первого дня своей жизни — взрослые.

Табаки, как и все остальные, отлично знал, что похвалы, сказанные детям в лицо, приносят им несчастье, и ему было приятно видеть, что волки-родители встревожились.

Табаки посидел, молча радуясь, что он сделал им неприятность, потом презрительно сказал:

— Шер Хан переменял место охоты. Он сказал мне, что всю следующую луну будет охотиться в этих горах.

Шер Хан был тигр, живший в двадцати милях от пещеры близ реки Венгунга.

— Он не имеет на это права, — сердито начал Отец Волк. — По Законам Джунглей — он не имеет права без предупреждения менять место охоты. Он распугает всю дичь на десять миль, а мне... мне предстоит охотиться эти два дня.

— Недаром мать Шер Хана назвала его Лунгри, хромым, — спокойно заметила волчица. — Он хромает со дня рождения и потому всегда убивал только домашний

скот. В деревне Венгунга сердятся на него, а теперь он пришел сюда, чтобы раздражать «наших людей». Они обыщут джунгли, когда он убежит, и нам с детьми придется спасаться от подожженной ими травы. Действительно, мы можем поблагодарить Шер Хана.

— Передать ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Прочь! — лязгнув зубами, сказал Отец Волк. — Прочь, ступай охотиться со своим господином. Достаточно неприятностей наговорил нам ты.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Слышите, в чащах рычит Шер Хан? Я мог бы даже и не говорить вам о нем.

Отец Волк прислушался; в долине, которая спускалась к ручью, раздалось сухое, злобное, продолжительное ворчание ничего не поймавшего тигра, которому не стыдно, что все в джунглях узнали о его неудаче.

— Глупец, — сказал волк. — Он начинает работу с таким шумом! Неужели он думает, что наши олени похожи на его откормленных быков?

— Тсс! Сегодня он охотится не на оленя и не на быка, — сказала волчица. — Его дичь — человек.

Ворчание превратилось в громкое рычание, которое, казалось, несло со всех сторон. Именно этот звук заставляет терять рассудок спящих под открытым небом дровосеков и цыган; именно слыша его, они иногда бросаются прямо в пасть тигра.

— Человек, — сказал Отец Волк, оскалив свои белые зубы. — Фу! Неужели в болотах мало водяных жуков и лягушек, чтобы он еще ел человека, да еще в наших местах.

Закон Джунглей, никогда не приказывающий чего-либо беспричинно, позволяет зверям есть человека, только когда зверь убивает его, желая показать своим детям, как это надо делать, но тогда он должен охотиться вне мест охоты своей стаи или племени. Настоящая

причина этого состоит в том, что вслед за убийством человека, рано или поздно, являются белые на слонах и с ружьями и сотни коричневых людей с гонгами, ракетами и факелами. И все в джунглях страдают. Однако между собой звери говорят, что Закон запрещает убивать человека, потому что он самое слабое и незащищенное из всех живых созданий и, следовательно, трогать его недостойно охотника. Кроме того, они уверяют — и справедливо, — что людоеды страшно худеют и теряют зубы.

Рычание стало громче и вдруг послышалось «ар-р-р», короткий крик падающего тигра.

— Он промахнулся, — сказала Волчица Мать. — Что там?

Было слышно, что Шер Хан со свирепым ворчанием бросается от одного куста к другому.

— У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер дровосека и обжег себе лапы, — сказал Отец Волк. — С ним и Табаки.

— А кто поднимается по откосу? — спросила Волчица Мать и насторожила одно ухо. — Приготовься!

В чаще зашелестели листья. Волк осел на задние лапы, собираясь броситься на добычу. Потом, если бы вы наблюдали за ним, вы увидели бы самую удивительную вещь на свете: волка, остановившегося на половине прыжка. Еще не увидав, на что он кидается, зверь прыгнул и в ту же минуту постарался остановиться. Вследствие этого он поднялся на четыре или пять футов от земли и упал на лапы, почти на то самое место, с которого начал нападение.

— Человек, — коротко сказал он, — детеныш человека! Смотри.

Как раз против волка, держась за одну из низких веток, стоял маленький, совершенно обнаженный коричневый мальчик, только что научившийся ходить, весь мягонький, весь в ямочках. Он посмотрел прямо в глаза волку и засмеялся.

— Так это человеческий детеныш, — сказала Волчица Мать. — Я никогда не видала их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить своих волчат, в случае нужды может взять в рот свежее яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один его зуб не оцарапал кожи маленького мальчика. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

— Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, — мягко сказала Волчица Мать.

Ребенок расталкивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре.

— Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот так человеческий детеныш! Ну, скажи-ка: была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет человеческий детеныш?

— Я слышал, что такие вещи случались, только не в нашей стае и не в наши дни, — ответил Отец Волк. — На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним толчком лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится.

Лунный свет перестал проникать в отверстие пещеры; большая четырехугольная голова и плечи Шер Хана заслонили свободное отверстие.

А позади тигра визжал Табаки:

— Мой господин, мой господин, он вошел сюда!

— Шер Хан оказывает нам великую честь, — сказал Волк Отец, но в его глазах был гнев. — Что угодно Шер Хану?

— Сюда вошел детеныш человека, — ответил тигр. — Его родители убежали. Отдай мне его.

Как и говорил волк, Шер Хан прыгнул в костер дровосека и теперь бесновался от боли в обожженных лапах. Но Волк Отец знал, что тигр не мог войти в слишком узкое для него отверстие пещеры. И так уже края боковых камней сдавливали плечи Шер Хана и его лапы сводила

судорога; то же самое чувствовал бы человек, если бы он старался поместиться в бочонок.

— Волки — свободный народ, — сказал глава семьи. — Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота. Человеческий детеныш — наш; мы убьем его, если захотим.

— Вы захотите, вы не пожелаете! Что это за разговоры? Клянусь убитым мной быком, я не буду стоять, нюхая вашу собачью будку и прося того, что мне принадлежит по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил всю пещеру, как раскаты грома. Волчица Мать стряхнула с себя своих детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестевшие в темноте, как две зеленых луны, глянули прямо в пылающие глаза Шер Хана.

— Ты говоришь, а отвечаю я, Ракша. Человеческий детеныш мой, хромуля! Да, мой. Его не убьют! Он будет жить, бегать вместе со стаей, охотиться со стаей и в конце концов убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и рыб! Да, он убьет тебя! А теперь убирайся или, клянусь убитым мной самбхуром (я не ем палого скота), ты, обожженное животное, отправившись к своей матери, хромя хуже, чем в день твоего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл тот день, в который после честного боя с пятью другими волками увел с собой свою подругу; или время, когда она бегала в стае и ее называли Демоном не из одной любезности. Шер Хан мог встретиться лицом к лицу с Волком Отцом, но биться с Ракшей не хотел, зная, что на ее стороне все выгоды и что она будет бороться насмерть. Поэтому со страшным ворчанием он попятился, освободился из входа в пещеру и наконец крикнул:

— Каждая собака лает у себя во дворе! Увидим, что-то скажет сама стая об этом нежничанье с приемышем из человеческого племени! Он — мой и в конце концов по-

падется мне в зубы, говорю вам, о вы, пушистохвостые воры!

Волчица, задыхаясь, бросилась обратно к своим волчатам, и Отец Волк серьезно сказал ей:

— В этом отношении Шер Хан прав. Человеческого детеныша надо показать стае. Скажи, ты все еще хочешь оставить его у себя?

— Хочу ли? — произнесла она. — Он — бесшерстый, голодный, пришел ночью, совсем один, а между тем не боялся. Смотри: он оттолкнул одного из моих детей! Этот хромой злодей убил бы его и убежал в Венгунгу; к нам пришли бы люди и в отместку разрушили бы все наши логовища. Оставляю ли я его у себя? Ну, конечно. Лежи, лежи, лягушечка, о ты, Маугли... Да, да, я назову тебя Маугли — лягушка... и когда-нибудь ты будешь охотиться на Шер Хана, как он охотился на тебя.

— Но что-то скажет наша стая? — протянул Отец Волк. Закон Джунглей очень ясно говорит, что каждый вновь женившийся волк может отделиться от своей стаи; однако едва его волчата вырастут настолько, чтобы хорошо держаться на ногах, он обязан привести их и представить Совету стаи, который обыкновенно собирается в полнолуние; это делается для того, чтобы остальные волки узнали их. После такого осмотра волчата имеют право бегать куда им угодно и пока они не поймают первого оленя. Для волка, убившего одного из них, нет оправданий. Убийцу наказывают смертью. Подумав хорошенько, вы увидите, что это справедливо.

Отец Волк выждал, чтобы его волчата научились бегать, наконец, в день собрания стаи, взял с собой их, Маугли, Волчицу Мать и отправился к Скале Совета; так называлась вершина холма, вся покрытая большими валунами и камнями, посреди которых могло спрятаться около сотни волков. Акела, большой серый волк-одиночка, благодаря своей силе и хитрости вожак стаи, во всю свою длину растянулся на камне, ниже сидели